

УДК 343.821

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.497-509

ЮРИЙ АРСЕНОВИЧ РЕЕНТ,

доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации,
профессор кафедры философии и истории,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-8378-6106,
e-mail: reent2@yandex.ru

КРИМИНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ РОССИИ В XX ВЕКЕ

Для цитирования

Реент, Ю. А. Криминальная стратификация в местах лишения свободы России в XX веке / Ю. А. Реент // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 497–509. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.497-509.

Аннотация. Статья содержит обзор неформальных, но устойчивых социально-криминальных групп, характерных для российских тюремных учреждений в общественно-политическом и временном пространстве XX века, а также особенностей внутренних отношений между заключенными. Подчеркивается, что подобное исследование будет далеко не полным без выяснения закономерностей в отношениях служащих государственных структур и представителей общества к носителям тюремной субкультуры, а также к деятельности сотрудников правоохранительной системы в целом и пенитенциарных учреждений в частности. Вызвано это тем, что криминальная субкультура уже давно вышла за пределы пенитенциарных учреждений, проникая в различные социальные группы, где нередко формируются условия для дальнейшего ее распространения. Таким образом, объектом исследования являются спецконтингент мест лишения свободы, реализуемая там совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения осужденных в рамках неформально установленных социальных групп.

Цель данной работы – выявление и сопоставление особенностей преступной и тюремной субкультуры, разделения осужденных на неформальные, но устойчивые социальные страты. Изучению формирующихся социальных слоев и групп в тюремных учреждениях предшествовало исследование субкультуры криминальных сообществ. «Первопроходцами» этого научного направления были социологи Р. Мертон, Д. Юнг и др. А. Козну принадлежит первенство в разработке концепции субкультур на основе анализа специфических поведенческих особенностей криминальных объединений. Что касается исследований поведения раз-

© Реент Ю. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

личных социальных групп внутри тюремных общин Российской империи в рамках исторических дисциплин, то значительный вклад в них внесли В. М. Дорошевич, П. Ф. Якубович, С. В. Максимов, Г. Н. Брейтман, М. Н. Гернет, другие ученые и публицисты.

К началу XX века в развивающемся буржуазно-монархическом государстве уже сформировалась целостная структура социальных групп, дифференцированных по имущественному, профессиональному, образовательному, национальным и сословным признакам. Это отразилось и на выделении новых социально-криминальных страт со шкалой специфических отношений и целей. Распад монархии и становление советской власти внесли значительные коррективы в характеристики криминальных групп, осужденных к лишению свободы. Серьезный перелом произошел в 1930-е годы в связи с завершением преобразования тюремной системы в исправительно-трудовую. Годы Великой Отечественной войны и социально-политические условия послевоенного периода окончательно разрушили старые социальные структуры тюремного мира, но не уничтожили их, а только существенно видоизменили.

Ключевые слова: отечественная история, пенитенциарная система, тюремная субкультура, криминальная стратификация, Россия в XX веке.

Введение

Обозначенные проблемы оказались в поле зрения многих современных исследователей. Большой интерес представляют изыскания Ю. М. Антоняна, В. М. Анисимкова, А. Г. Бронникова, С. И. Дементьева, Ю. П. Дубягина, С. А. Кутякина, С. Я. Лебедева, А. Н. Мондохорова, Ж. Росси, А. В. Бриллиантова, А. А. Тайбакова, Г. Ф. Хохрякова, В. Чалидзе и др. Как справедливо утверждают С. И. Кузьмин и Е. С. Якушина, иерархическое строение общества является важным условием его существования. «Аналогичные процессы характерны и для криминального сообщества, а движение по иерархической лестнице связано с соблюдением воровского и тюремного законов» [14, с. 24]. Более того, по мнению Н. П. Барабанова, очень сложно встретить коллектив, где «существует столь четко выраженная иерархическая структура, как в криминальном мире» [3, с. 178].

В целом мы склонны принять позицию, высказанную молодым ученым В. В. Тулегеновым, утверждающим, что в силу действия объективных законов общества процессы социальной стратификации не поддаются простому администрированию. Неоднократно «предпринимались попытки поломать кастовую систему в исправительных учреждениях путем формирования отрядов и бригад из одних отверженных. Считалось, что люди, прошедшие сквозь ад немислимых унижений, построят свое сообщество по-другому. Но через некоторое время в их среде опять выделились свои бугры, мужики и опущенные» [26, с. 136].

В то же время нам представляются неприемлемыми подходы, оценивающие эту ситуацию как безысходную, не поддающуюся никакому позитивному воздействию извне. Фатализм в негативных оценках воспитательного воздействия на криминальные страты внутри мест заключения – еще более вредная крайность, чем позиция, пропагандирующая его волшебную и всепобеждающую силу. На наш взгляд, оценки роли сотрудников пенитенциарных учреждений в соотношении использования мер убеждения и принуждения являются чрезвычайно актуальными и во многом основополагающими во взаимоотношениях представителей власти, общества и личности.

Среди ученых-пенитенциаристов известны сторонники шестизвенной периодизации при оценке развития отечественной тюремной субкультуры, а именно: «1) дореволюционный этап, 2) первые годы советской власти (1917–1929), 3) ГУЛАГ в годы первых пятилеток (1930–1953), 4) «постсталинский» (1953–1960), 5) хрущевский (1960–1970), 6) постсоветский (1980-е годы по настоящее время)» [7, гл. 15, п. 1]. В целом такая градация представляется нам приемлемой, хотя и вызывают сомнения временные различия: 5-й этап – 10 лет, 6-й этап – 30 лет (на момент публикации), 1-й этап – несколько веков. Полагаем, что принципиальные изменения в среде осужденных, как правило, не имеют четко очерченных хронологических границ, а происходят эволюционным путем, и это лишь одна из причин, почему в данной статье не будет уделено большого внимания такой периодизации.

Наиболее очевидной целью представленного в статье материала является привлечение внимания читателей пусть и к относительно поверхностному, но все же профессиональному ознакомлению с неформальными криминальными сообществами. По своему генотипу они всегда останутся закрытыми группами общества, а по характеру социальной структуры – сословно-кастовыми. При этом не следует отрицать, что тюремные служащие – это тоже неотделимая часть такого сообщества. Характеристика их встроенности в эту систему не входит в задачи проведенного исследования, тем не менее важно учитывать все возможные формы и проявления структурно-кастовых взаимосвязей в криминальных сообществах.

Результаты исследования

С древних времен и по день сегодняшний разработку и исполнение наказаний за преступления относят к числу наиболее важных направлений государственной деятельности. Однако «именно гражданское общество, а не государство изначально сформировало функции и задачи» [23, с. 136], стоящие перед ним. Феодальное, а затем буржуазное и даже социалистическое общество в своей структуре содержали множество социальных слоев, нередко имевших сильно отличающиеся права и полномочия. Это расслоение находило яркое отражение и в характере взаимоотношений внутри тюремного сообщества.

Нами отмечалось, что «любое продолжительное по времени скопление высокоразвитых биологических субъектов приводит к их разделению на достаточно устойчивые стратификационные социальные ниши... Всегда выделяются явные лидеры, их окружение, «боевая дружина», «трудовая масса» и наиболее ослабленные, угнетаемые особи. В человеческом обществе цивилизационные процессы позволили привести взаимоотношения к приемлемым, пристойным формам» [21, с. 6]. И все же для каждого исторического периода они были в достаточной мере специфичны. Особо разительное своеобразие наблюдается в нетрадиционных общностях, к которым в полной мере следует отнести преступный или «блатной» мир.

Иерархическое строение «тюремных сословий» в самодержавной России

Уже с середины XIX в. профессионализация российского криминалитета достигла невиданных ранее масштабов. Подразделение преступников по роду их деятельности на «масти» мы находим у М. М. Максимова, утверждавшего, что «мошенники и воры делятся на партии и классы, изучая воровство и мошенничество, каждый по своим способностям, от той самой партии, к которой он принадлежит» [17, с. 7]. Г. Н. Брейтман в начале XX в. дал оценку уже существовавшей разветвленной схеме взаимоотношений представителей рецидивной преступности [4, с. 133, 218]. Им обращалось внимание на то, что «сила профессиональных пре-

ступников и заключается в их сплоченности, в имеющейся в наличии правильной организации...» [4, с. 4–5].

Следует отметить, что до начала Второй мировой войны около 90 % преступлений, совершаемых в России, имели насильственный характер. Попадая в места заключения, все криминальные личности достаточно быстро находили соответствующее своему промыслу социальное окружение. Одновременно с этим фиксировались их место и своеобразный социальный статус в тюремной иерархии. Наиболее широкие полномочия в этих неформальных структурах занимали «иваны» – преступные «авторитеты», выдвинувшиеся из числа бродяг, имевших большой тюремно-каторжный стаж. В число их многообразных неписаных прав входило распоряжение жизнью и смертью заключенных. С уважением относились и к «обратникам» – каторжанам, бывавшим в бегах. Считалось, что они знают все ходы и выходы.

Под термином «бродяга» понимался профессиональный преступник, попавший в заключение или вернувшийся оттуда. Из их числа формировались наиболее престижные в криминальной среде группы. Современные исследователи порой без особых на то оснований тиражируют утверждение, что вторая по значению каста – «храпы». Действительно, синонимами, характеризующими их поведение, стали бессовестность, бесцеремонность, крайняя наглость. В отличие от «иванов» они вели себя шумно, нередко несдержанно, провоцировали конфликты, «нахрапом» подавляли остальных. Их классическое определение в научных трудах впервые приводится В. М. Анисимковым [2, с. 88]. Впрочем, ряд специалистов не склонны выделять «храпов» в отдельную категорию, настаивая на том, что «ни в официальных ведомственных документах, ни в научной литературе, ни в издаваемых в 1920-е гг. исправительными домами газетах и журналах о такой категории не упоминается» [14, с. 20]. На наш взгляд, не стоит столь категорично отрицать существование данной социально-криминальной группы. Вероятно, термин «храпы» имел узкорегionalное распространение. В частности, В. М. Дорошевич в своей известной и богато иллюстрированной фотографией книге «Сахалин. Каторга» посвятил их описанию несколько страниц [8, с. 303, 304 и др.].

Аналогом криминальной «дружины» у «иванов» можно оценить «жиганов». Эта категория формировалась из молодых, агрессивных людей, осужденных, как правило, за разбой, насилие, мошенничество. Следующие по значению тюремные сословия составляли «шпанка», или «шпана» (воры), и «счастливыцы» (шулера). Это были мелкие преступники, чаще всего ни по волевым, ни по физическим качествам не способные выдвинуться в местную криминальную элиту да и просто как-то объединиться для защиты своих интересов. Можно отметить еще ряд специфических подкаст заключенных. Так, «глоты» выполняли роль, аналогичную «храпам», только статусом были ниже, поскольку способны «глотку драть» только скопом, а поодиночке действовать трусили. «Волынщики» тоже специализировались на разжигании ссор, стравливали людей между собой часто в интересах «иванов».

Были и категории каторжан, которым жилось неплохо, но уважением в криминальном сообществе они не пользовались. В первую очередь это «крохоборы» и «кусочники». Они работали старостами, кашеварами или хлебопеками. Считалось, что «честным» путем такие должности получить нельзя. Отдельно стоит упомянуть группу сидельцев, называемых «асмодеи». Их считали каторжными «плюшкиными», поскольку они старались копить деньги и вещи, отказывая себе в самом необходимом. Сбыть накопленную старую одежду либо иное имущество можно было через тюремных ростовщиков. Если это были татары или иные мусульмане, их называли «бабаями», если же русские, в ши-

роком понимании этого слова, то – «отцами». Помощь им в деле добычи и реализации товара оказывали «барахольщики» [8, с. 308, 312, 315]. Неопытных или простодушных осужденных обзывали «дядя сарай». Таких сидельцев чаще всего обижали, обирали, использовали для обслуживания более высоких каст. Разумеется, были и другие социальные виды и подгруппы, но в разное время и в разных местах они назывались по-разному, да права и обязанности их не были жестко установлены.

В начале XX в. иерархия профессиональных преступников сформировалась окончательно, была хорошо организована и достаточно законспирирована. Представителям тюремной администрации для борьбы с криминальными лидерами требовалось выработать целый комплекс действенных мер. Стало очевидно, что с целью достойного противостояния преступникам-профессионалам необходимо было подготовить не менее опытных профессионалов из разных правоохранительных структур. После учреждения Главного тюремного управления и губернских тюремных инспекций такая система в Российской империи постепенно сформировалась. Благодаря обширным работкам служащих каторжных тюрем и централов, функционировала она достаточно эффективно, хотя нередко отставала от темпов роста преступности.

Формирование тюремных каст в исправительно-трудовой системе Советской России

В первые годы после победы большевиков и становления аппарата страны Советов из-за социально-политического кризиса, противостояния с монархистами и сторонниками буржуазной республики вопросам формирования новой пенитенциарной доктрины уделялось явно недостаточно внимания. По этой причине криминальная стратификация тюремного сообщества в годы Гражданской войны и в начале периода нэпа не претерпела значительных изменений. Это было связано и с тем, что основными своими противниками правоохранительная система большевистского государства считала представителей оппозиционных партий, общественных формирований и иных классовых врагов.

Примечателен в этом отношении приказ Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем, вводивший режим так называемого красного террора. Согласно ему еще недавних политических попутчиков в лице меньшевиков и эсеров настоятельно рекомендовали лишать свободы. В качестве заложников предписывалось брать «крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря» [20, с. 14]. Граждане, которые были уличены в хранении оружия или боеприпасов, а также участники «контрреволюционных заговоров» подлежали расстрелу, как и бывшие жандармские офицеры, тюремные и полицейские исправники. Однако незаконно содержавшие оружие рабочие и солдаты подлежали только тюремному содержанию [20, с. 15–16].

Особое значение в формировании обновленной советской стратификации криминалитета имело учреждение системы исправительно-трудовых лагерей. Основополагающую роль в этих процессах нередко отводят деятельности созданного в 1920–1922 гг. лагеря особого назначения на Соловецких островах (СЛОИ). Мы не склонны абсолютизировать этот факт, поскольку базовыми элементами, направляемыми в заключение, там являлись представители буржуазии, интеллигенции, оппозиционных партий, царские офицеры, духовенство и т. п. Их взаимоотношения не укладывались в традиционные «тюремные» схемы, а поэтому могут оцениваться лишь как исключения из общих правил. Значительно больший интерес вызывает дальнейшая работа, связанная с формированием новой исправительно-трудовой концепции исполнения наказаний. Основанное на ней официальное подразделение осужденных включало в себя три группы.

Первую группу составили представители класса-гегемона и сочувствующие им. Если проще, то рабочие, крестьяне и госслужащие, которые были осуждены впервые за общеуголовные преступления на срок до пяти лет. Вторая группа формировалась из того же контингента, но осужденного более чем на пять лет либо повторно. Третья группа содержащихся в местах лишения свободы граждан отличалась только по социальному составу. Это были так называемые нетрудовые элементы и лица, осужденные за контрреволюционные преступления, которые, в отличие от остальных, не имели права «на выход за пределы лагеря и занимать административно-хозяйственные должности в управлении лагеря и по производству работ» [16, с. 60].

Постепенно нарастал слой осужденных по политическим статьям, основная масса которых не вписывалась в существовавшие тюремно-лагерные касты. Однако с начала 1930-х гг. их традиционные взаимосвязи ощутимо ослабли. В значительной мере первопричиной этому стал существенный прирост количества осужденных по политическим статьям. Их отличало не только приличное воспитание, но и иные моральные ценности по сравнению с представителями основной массы заключенных. Быстро развратить и криминализировать эти слои не удалось во многом из-за ужесточения режима содержания всех групп осужденных.

Годы Великой Отечественной войны следует вывести из области рассмотрения проблемы, обозначенной в данной статье. Вызвано это очевидной спецификой исполнения наказаний. В первые месяцы войны по разным причинам значительная часть осужденных была досрочно освобождена от наказания в виде лишения свободы. В период с середины 1941 по начало 1944 года из лагерей и колоний внесудебным порядком в войска было передано около 970 тыс. чел. К оставшимся на «зонах» преступникам применялись чрезвычайно жесткие меры, обусловленные военным временем. Любое неподчинение администрации или попытки «блатных» взять лидерство могли закончиться для них расстрелом на месте или направлением в места, где сложно было выжить. В 1943 г. учреждается каторга для лиц, сотрудничавших с фашистами. Кроме того, действовали лагеря военнопленных, проверочно-фильтрационные лагеря, где криминальным «авторитетам» просто не давали оказывать существенное влияние на свое окружение.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в криминальной среде стали происходить серьезные изменения. Социальные расслоения затронули высшую касту – «воров в законе». Их основная масса по-прежнему придерживалась неписаных правил, исключавших возможность взаимодействия с представителями государственных и официально признанных общественных формирований. Искусственно спровоцированные конфликты с ними только повышали авторитет среди «блатных», но условия военного времени склонили часть осужденных к возможности выйти на свободу, завоевав это право участием в боевых действиях на фронте. Считалось, что они нарушили «воровской закон», а значит – «ссучились». Так называемые ссученные воры не только становились главными врагами «законников», но и подлежали уничтожению. Важно не упустить из виду, что перед войной к территории СССР были присоединены значительные регионы Западной Украины, Прибалтики, Молдовы. Вышедшие оттуда криминальные лидеры именовались «польскими ворами». Они держались обособленно, но при первой возможности старались захватить неформальную власть в свои руки. Практически всегда криминальные разборки заканчивались кровопролитием, а в начале 1950-х гг. массовые волнения приобрели название «сучьих войн».

«Ссученный вор» формально сотрудничает с начальством. Он уже никогда не станет «вором в законе», а обратный процесс не только был возможен, но и нередко осущест-

влялся принудительно. Для этого соблюдался определенный церемониал. «От блатного требуют, чтобы он совершил три символических действия. Во-первых, ему дают грабли, и он обязан два-три раза провести ими по «заплетке» (запретная зона около забора распахана для того, чтобы следы беглеца были видны). Далее, ему вручается ключ от карцера, он должен (в сопровождении толпы ссученных) подойти к карцеру и собственноручно запереть замок на дверях. И наконец, заключительный акт: он должен поесть со ссученными. После этого он уже сам ссученный, и теперь его будут резать блатные» [12].

В обществе подогревалось мнение, будто противостояние криминальных лидеров имело «искусственное происхождение» как результат воздействия правоохранительных структур с целью ликвидации «воровского актива» их же собственными силами [22, с. 403–404]. Полагаем, что для таких утверждений нет убедительных документальных доказательств. Более того, руководители, допустившие в своих учреждениях беспорядки, заплатились потерей должности, а иногда и свободы. В лагерях и колониях начальствующий состав был вынужден «сортировать» прибывающие этапы по криминальным «мастям», лишь бы не допустить очередных столкновений.

На практике удельный вес преступников, вновь осужденных к лишению свободы, стал неуклонно повышаться, что говорило о чрезвычайно низкой эффективности воспитательной и исправительной работы в местах заключения. В целом на высшем государственно-политическом уровне был поднят вопрос о необходимости ликвидации лагерной системы МВД СССР. Окончательно это произошло вместе с упразднением этого министерства в 1960 г. Однако система мест лишения свободы оставалась и требовала существенной реформации. Поставленные КПСС и Правительством высокие цели совершенствования «человеческого фактора» на практике реальных достижений не демонстрировали. Становилось очевидным, что в слегка обновленных исправительно-трудовых колониях осужденные «не воспитываются честными и полноценными гражданами социалистического общества, а, наоборот, часто выходят законченными негодьями и потенциальными рецидивистами» [19, с. 238].

Реформирование структуры и взаимоотношений криминальной оппозиции в исправительно-трудовой системе СССР эпохи развитого социализма

При разработке Уголовного кодекса РСФСР (принят 27 октября 1960 г.) отмечалось, что в учреждениях, исполнявших наказание в виде лишения свободы, проявляется усиление преступных группировок, характеризующихся крепкой взаимосвязью и своеобразной дисциплиной. Воры-рецидивисты укрепляли свою неформальную власть, подчинив основную нейтральную часть осужденных, называемых «мужиками». С некоторых пор «воровской закон» стал не только допускать, но и рекомендовать им должности бригадиров. Это позволяло приписывать себе и ближнему окружению отработанные «мужиками» зачетные дни, что, в свою очередь, было основанием для досрочного освобождения. Еще лучше для них, если бригадир не из блатных, но полностью зависит от воровских главарей.

Интересны характеристики криминальной элиты, данные самими заключенными. В частности, отмечалось: «Урки – люди квалифицированные, умные, ловкие, смелые, систематически занимающиеся воровством. Они презируют все устои человечества о труде, совести, чести, приличия поведения. У них свои выработанные понятия об этом. Пренебрежение к оседлому образу жизни, к работе, к обузаведению семьей (воры, ведущие оседлый образ жизни, относятся к отдельной касте – домашняков). Удел же «блатных» – разъезжание по стране или «держание садки» на железнодорожной ветке. Заключение – тюрьма, лагерь, не страшны воровскому контингенту. Сюда они идут как

в дом родной... Пребывание в заключении неоднократно используется как своеобразная школа отбора, воспитания и усовершенствования путем обмена опытом» [9, л. 44]. Тех, кто пытается не подчиняться им, ждут избиение, организуемое окружением общее презрение, а нередко и смерть.

Часто можно услышать, будто с приходом к руководству страны Л. И. Брежнева завершилась хрущевская оттепель и возросло число репрессий. На самом деле в 1960–1970-е гг. проводился комплекс мер по фактической ликвидации ГУЛАГа и негативных последствий его деятельности. Однако даже позитивные процессы в сфере исполнения наказаний демонстрировали неожиданные результаты. Осужденные получили больше прав и свобод, но воспользоваться ими в первую очередь смогли представители криминального актива. Под давлением «воров в законе» формировались неформальные властные структуры, которые нередко «брали в оборот» все слои осужденных. Ключевым их элементом стал институт «смотрящих». Окружение «пахана» составляли «блатные», которые условно разделялись на ближний круг и мелкую «шушеру». Первые состояли из «авторитетных» жуликов, роль силовой поддержки выполняли «быки». К ним относились и «торпеды», выполнявшие роль киллеров. Отличие от заказных убийц на воле заключалось в том, что они большую часть жизни проводили в тюремных застенках, поскольку регулярно после очередных разборок получали дополнительный срок. Именно они образовывали местную «блатную» элиту или «черную масть». Основу обитателей мест лишения свободы составляла «серая масть», или «мужики». Несмотря на то что блатные оценивали их как безропотное рабочее стадо, считаться с ними в общей массе все же приходилось. Для того чтобы ими было легче управлять, из общей среды выделялись «kozyрные», или «центровые» мужики, которые являлись проводниками требований «положенцев» и «смотрящих». Из молодых или впервые попавших на зону формировалась каста «шестерок» или «шнырей», которые исполняли роль прислуги для блатных.

К «красной масти» относят осужденных, активно сотрудничающих с представителями администрации исправительно-трудовых учреждений. Имеются в виду те, кто нацелен на получение условно-досрочного освобождения (УДО) или перевода в колонию-поселение. Таких называют «козлами». Если речь идет о «мужиках», то отношение окружающих к ним терпимое. Если в эту категорию попадает «блатной», то кара может быть очень строгой. В лучшем случае их будут оценивать как «фраеров», отошедших от неформальных «воровских традиций», или «чушков», занимающих социальную нишу рабов. Однако могут и «опустить» по полной, и тогда речь идет о самой низшей тюремной касте – «голубой масти». К ним традиционно относятся пассивные гомосексуалисты – «петухи», или «пидоры». «Кстати, на «зоне» ассоциативно связан с ними не голубой, а красный цвет. Например, ношение красных трусов или майки может дорого стоить их владельцу. Далеко не все из них имели природную склонность к такому пороку, многих «опустили» за какие-либо провинности, но могли и просто изнасиловать из-за симпатичной или женообразной внешности. С ними «вор» или «мужик» не должен на виду разговаривать или находиться рядом. Ударить может, но затем демонстративно вымоет руку. Командовал этими отверженными «главпетух», контролировали выполнение распоряжений «пастухи», общественные туалеты убирали остальные» [11, с. 302–303].

Даже в мелочах повседневной жизни стратификационные различия представителей разных тюремных каст соблюдаются неуклонно. «Воры» спят на нижнем ярусе коек, «мужики» – на втором и третьем ярусах. «Чушки» и «пидоры» размещаются в отдельных помещениях, питаются также за отдельными столами и лишь тем, что останется

после «воров» и «мужиков» [21, с. 10]. «Попытки молодых офицеров колоний уравнивать «опущенных» в правах с другими заключенными встречали организованную и активную негативную реакцию. Так, вслед за приказом «петухам» обедать вместе со всеми, а не за отдельными столами последовал массовый отказ от приема пищи» [1, с. 35].

В конце 1980-х гг. в России формируется ряд крупных организованных преступных группировок и сообществ нового формата. Их члены назывались «братвой», «братанами». Они разбивались на «бригады» во главе с «бригадирами», которые непосредственно контактировали с «авторитетами». В местах заключения начался раскол между сторонниками «блатного» мира старой формации и представителями «бригад», имеющими неплохое прикрытие со стороны некоторых бизнесменов и даже крупных административных работников, политиков [21, с. 7].

В качестве примера можно привести сформированную к началу 1990-х гг. Измайловскую организованную преступную группировку (ОПГ). Одним из ее бригадиров начинал свой криминальный путь некто А. Малевский, который изначально объединил около 200 бойцов, контролировавших в Москве и Подмосковье значительное число торговых точек, казино и даже аэропорт «Быково». Вскоре его люди стали совладельцами этих предприятий и учреждений, а сам он подмял под себя ряд коммерческих банков, алюминиевый, фармацевтический и металлургические заводы. Благодаря тесным связям с политиком Б. Березовским, криминальным авторитетом Тайванчиком, братьями-бизнесменами Михаилом и Львом Черными, для отечественной Фемиды того времени он оказался не по зубам. Однако его бойцы нередко попадали на зону, но имели там особый статус, дававший им независимость от смотрящих, но это не гарантировало им иммунитет от таких же беспредельщиков новой формации. Считают, что Малевского выбросили из самолета по приказу лидера Солнцевской ОПГ С. Михайлова [6].

Возвращаясь к тюремной тематике, отметим, что по оценкам самих заключенных к числу наибольших тягот и лишений относят не тяжелую работу, строгий режим и даже не голод и холод, а отношения между осужденными: «Если тебе в лагере заключенный начинает улыбаться и о чем-то расспрашивать, значит, ему от тебя что-то надо. Если он к тебе хорошо относится – жди подвоха. Если в тюрьме существует арестантская солидарность, то в лагере отчуждение принимает страшные формы» [24, с. 95]. В следственном изоляторе или тюрьме труднее из-за психологического дискомфорта: «Просидишь в одной камере несколько месяцев – и тебя начинает все раздражать в соседе: и как он встал, и как он сел, и как ходит, и как ест, и как спит. А ты, в свою очередь, раздражаешь его... нервы у каждого натянуты до предела» [18, с. 43].

Даже этот краткий обзор будет неполным, если не затронуть взаимоотношения представителей разных страт осужденных с работниками пенитенциарных учреждений. Безусловно, самые стойкие сторонники «воровских законов» старались никогда не идти на открытые контакты с администрацией. Другое дело – отношение людей, попавших на «зону» в определенной степени случайно. Для них тюремный персонал, как правило, не является идеологическим врагом. Интересно мнение о сотрудниках ИТУ диссидента В. Буковского, проведенного в лагерях и тюрьмах 11 лет: «Большую часть своего времени они проводят в тюрьме, сами – заключенные... Все время слышишь непристойные слова, чувствуешь ненависть. И к ругани они привыкают, считая ее привычным делом, даже обязательным. Молодые надзиратели проявляли к нам, как минимум, интерес, если не симпатию» [5, с. 61].

Спектр оценок взаимоотношений тюремного персонала с заключенными весьма широкий, но, как правило, к порядочным сотрудникам нет особых претензий. Для примера

приведем пару высказываний. Один из «сидельцев» утверждал: «В администрации и охране здесь работали такие же люди, как и везде, – одни грубее, другие культурнее, как и в любом советском учреждении. Попадались пьяницы и проходимцы, но именно у офицеров (большинство с университетским образованием) я встречал и подлинную человечность, а ведь сохранить человеческие качества в здешних условиях нелегко» [11, с. 306]. Последнее время стало модным бывшим «зэкам» издавать свои «мемуары». Приведем выдержку из такого воспоминания: «Беспредел со стороны администрации «стал ответом, как мне кажется, на то, как первое время при мне зэки обращались с мусорами: едва ли на х... их не посылали, потому что зона была «черная». И правил в ней смотрящий, а не начальник. Но на моих глазах колония «покраснела». И теперь, к слову, смотрящий по Мордовии – человек по кличке Ева, которого считают ссученным» [10]. Другими словами, все в жизни изменчиво, и тюремные отношения не являются исключением.

Тюрьма как обобщающее наименование любых мест лишения свободы подавляющей частью населения страны воспринимается не столько как форма изоляции от общества, сколько как место концентрации зла, преступлений и человеческих пороков. При этом нельзя не учитывать, что пенитенциарная система, являясь специфической частью человеческого сообщества в целом, не может рассматриваться как нечто статическое и неизменное. Глобальные политические и социально-экономические преобразования, произошедшие в 1990-е гг., связанные с распадом СССР и формированием государственных основ демократической России, затронули и процессы взаимоотношений различных слоев осужденных.

Неожиданно для многих криминалитет в кратчайшие сроки повысил свою роль при решении различных вопросов в отраслях, ранее не имевших с ним ничего общего. Территория страны была поделена между разного уровня «смотрящими», которые стали пытаться диктовать свои условия не только в так называемых черных зонах, но и в государственных учреждениях и на предприятиях различных форм собственности. В рамках статьи мы ограничимся рассмотрением только института «смотрящих» в местах лишения свободы. На эти посты воровские сходы назначают, как правило, не просто «воров в законе» или «положенцев», а людей, способных разрешать различные конфликтные ситуации не в рамках формального права, а по сложившимся в криминальной среде понятиям.

Не удивительно, что менее всего они нацелены на так называемые красные зоны, где административный ресурс руководства и сотрудников колоний, следственных изоляторов высок и устойчив. Перед «смотрящим» стоит дилемма: либо сломать существующие порядки, либо резко понизить свой статус, показав собственную несостоятельность. Именно по этой причине с пугающей регулярностью в таких учреждениях осужденные пытаются устроить беспорядки, а подогретые журналисты и правозащитники поднимают вал критики с целью сменить руководство и устоявшиеся нормы взаимоотношений. Не секрет, что кандидатура «смотрящего за зоной» нередко согласовывалась с достаточно высокими чинами администрации на условиях обеспечения внешнего благополучия и порядка в среде заключенных. Однако это как заряженное ружье, висящее на стене: рано или поздно оно обязательно выстрелит. Достаточно только где-то проявить слабинку.

Важно осознавать, что речь идет не об отдельно взятых личностях, а о достаточно сложной иерархической системе. Каждый «смотрящий за зоной» ответствен за свою деятельность перед воровской сходкой соответствующего региона. Среди его функций можно выделить «информационную, организаторскую, нормативно-регулирующую»

щую и принятия решений» [15, с. 115]. Ему, в свою очередь, неформально подчиняются смотрящие за «общаком», смотрящие в отрядах, локальных участках, на промзоне, в пищеблоке и даже в каждой отдельной камере. Эти люди не только ведут пропаганду криминального образа жизни, осуществляют сбор и распределение продуктов питания, общака, запрещенных средств, но и иницируют наказание нарушителей «воровских традиций». Впрочем, «авторитеты» и «достойные арестанты» легко нарушают «воровской закон», поскольку его целью является моральное и материальное возвышение за счет представителей нижестоящих тюремных страт.

Заключение

Вступление государства и общества в новое тысячелетие для уголовно-исполнительной системы России стало фактическим «водоразделом» между прошлым и будущим. В конце XX в. она очередной раз перешла из Министерства внутренних дел в состав Министерства юстиции. Вскоре была сформирована Федеральная служба исполнения наказаний. Однако наиболее важным представляется изменение стратегии пенитенциарной деятельности. Курс на общую гуманизацию уголовно-исполнительного права в сочетании с приоритетным развитием наказаний, не связанных с лишением свободы, ослабил криминальную стратификационную напряженность в колониях и следственных изоляторах. Немаловажно, что число лиц, содержащихся в этих учреждениях, сократилось с более чем 1 млн 100 тыс. чел. в июне 2000 г. до около 480 тыс. в мае 2021 г. [13].

Путь, пройденный за столетие, оказался насыщенным на события, новые теоретические подходы и практические решения по их реализации. И все же высказываемое неоднократно мнение о том, что сформировавшиеся в тюремных общинах начала XX в. социальные группы стали инструментом негативного воздействия представителей криминальной среды на общество, остается актуальным по сей день. Противоречия между разными группами осужденных еще в большей мере подчеркивают антагонизм между криминальной оппозицией в местах лишения свободы с государством в лице его правоохранительных структур. Тем не менее очевидно, что роль пенитенциарных учреждений по искоренению тюремно-кастовых взаимоотношений продолжает возрастать.

Недавно была принята новая Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р). Среди поставленных перед системой целей названа работа, направленная на «исправление осужденных, предполагающее обеспечение исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческого достоинства, соответствующих законодательству Российской Федерации и международным стандартам, совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития».

Важно осознавать, что формирование личности, оказавшейся в местах лишения свободы, непосредственно зависит от сложившихся пенитенциарных отношений. Для того чтобы преодолеть их негативные проявления и последствия, государство должно сформировать соответствующую общественную «потребность (востребованность) в достижении целей наказания» [25, с. 14]. Это, в свою очередь, не только должно, но и уже находит адекватное отражение в деятельности отечественной пенитенциарной системы.

Библиографический список

1. Абрамкин В., Чеснокова В. Тюремные касты // Новое время. 1991. № 28. С. 32–38.
2. Анисимков В. М. Криминальная субкультура. Уфа : УЮИ, 1998. 168 с.
3. Барабанов Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25(1–4), № 2. С. 177–182.
4. Брейтман Г. Н. Преступный мир: очерки из быта профессиональных преступников. Киев : Тип. губернского правления, 1901. 302 с.
5. Буковский В. И Возвращается ветер... Письма русского путешественника. М. : Демократическая Россия ; Оригинал, 1990. 462 с.
6. Все о лидере «измайловских» Антоне Малевском. URL : <https://fsin-pismo-gid.ru/istoriya/vse-o-lidere-izmajlovskih-antone-malevskom> (дата обращения: 23.06.2021).
7. Дмитриев Ю. А., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология : учебник. Ростов н/Д : Феникс, 2007. 681 с.
8. Дорошевич В. М. Сахалин (каторга). М. : Т-во И. Д. Сытина, 1903. Ч. 1. 438 с.
9. Жуков К. Е. Письмо заключенного О. Жукова К. Е. Ворошилову о реорганизации системы лагерей // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 85. Д. 253. Л. 42об–73.
10. Ильченко С., Лютых С. «Вваливались в камеру чудовища». В русской тюрьме можно узнать о народе, но нужно взять с собой сало // LENTA.RU. 2021. 6 июня. URL : <https://lenta.ru/articles/2018/06/06/turma> (дата обращения: 18.06.2021).
11. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России : учебник / под общ. ред. Г. А. Корниенко. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань : Академия ФСИН России, 2013. 428 с.
12. Краснов-Левитин А. Э. Рук твоих жар. Воспоминания : в 4 ч. Ч. 2. URL : <https://azbyka.ru/fiction/ruk-tvoix-zhar-krasnov-levitin> (дата обращения: 18.12.2020).
13. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Официальный сайт ФСИН России. URL : <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20nar-ka%20UIS> (дата обращения: 14.06.2021).
14. Кузьмин С. И., Якушина Е. С. Иерархическая структура в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 1. С. 18–24.
15. Кутякин С. А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань : Академия ФСИН России, 2008. 156 с.
16. Наседкин В. Г. Лекция начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина, предназначенная для слушателей Высшей школы НКВД СССР // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60–86.
17. Максимов М. М. Московские тайны: рассказ сыщика // Сочинения М. Максимова : в 10 ч. М. : Тип. К. Андерса, 1861–1862. Ч. 1. 57 с.
18. Лушин А. И. К вопросу оценки правозащитниками советской уголовно-исполнительной системы // История государства и права. 2003. № 4. С. 40–47.
19. Предложения в Комиссию по составлению нового Уголовного кодекса // ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М. : Демократия, 2000. С. 235–245.
20. Приказ ВЧК о «красном терроре» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960. М. : Демократия, 2000. С. 14–16.
21. Реент Ю. А. Социально-психологические особенности криминальной стратификации осужденных в России // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 4–14.

-
22. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу : в 2 ч. М. : Просвет, 1991. Ч. 2. С. 264–548.
23. Семенова О. В. Гражданское общество и государство: специфика взаимосвязи и взаимодействия // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы Междунар. науч.-теорет. конф. : в 2 т. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2016. Т. 1. С. 134–138.
24. Тюремный мир глазами политзаключенных. М. : Содействие, 1993. 287 с.
25. Уваров И. А. Преступность осужденных как проявление социальной дисфункции пенитенциарной профилактики // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 112–115.
26. Тулегенов В. В. Стратификация заключенных (опыт систематизации) // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1(64). С. 136–138.